

Кино: проблемы проката

ПОЯВЯТСЯ ЛИ "МИГРАНТЫ" В МОСКВЕ?

У станции метро «Проспект мира», где мы договорились встретиться, к моему будущему собеседнику за минуту до меня подошли мужчина и женщина: «Мы вас узнали и хотим поблагодарить за «Мигрантов». — «А где вы их видели? — изумился автор фильма. — Они же нигде не идут». — «Был сеанс в кинотеатре «Дружба», мы купили в кассе билеты...». — «А я об этом ничего не знал», — развел руками автор.

С О ВРЕМЕНИ премьеры «Мигрантов» в Центральном Доме кинематографистов, а затем в Киноцентре прошло полгода. Картина успела получить один из четырех призов Международного фестиваля авторского кино в Сан-Ремо (специальный приз жюри), завоевать симпатию публики Берлинского фестиваля, где была показана в программе «Панорама», после чего ее купили несколько стран.

А вот в родном отечестве проката нет, к тиражированию еще не приступали. Ситуация характерна для нынешнего кино и нестерпима для тех, кто все еще любит, хотя оно и стало почти невидимым. В том, что упрямы поклонники бывшего важнейшего из искусств не перевелись, меня убедила не только сцена у метро, но и реакция зала на тех же «Мигрантов» в Киноцентре.

Картину приняли хорошо. В том числе и коренные москвичи. Потому что она не о лимитчиках, хотя ее герой приехал из деревни, работает в дорожной бригаде по укладке асфальта и живет в общежитии. «Вы рассказали обо всех нас, бесправных и незащищенных... Но фильм не смотрится, как чернуха, потому что ваши молодые герои любят друг друга, а вы любите их», — так говорили автору участники обсуждения — зрители.

Личность автора тут многое, конечно, объясняет. Валерий Приемыхов, снявший «Мигрантов» по собственному сценарию и сыгравший небольшую роль бригадира, запомнился как актер еще в фильмах Дины Асановой «Пацаны» и «Милый, дорогой, любимый, единственный» (второй снят по его сценарию). А роль в картине Александра Прошкина «Холодное лето пятьдесят третьего» принесла исполнителю известность и в стране и за рубежом.

Нашу беседу я начала с воспоминания о той его, звездной, роли.

— Валерий Михайлович, бригадир из «Мигрантов» задумывался как продолжение биографии героя «Холодного лета»?

— Нет... Мне это не приходило в голову.

— Значит, вы дали возможность зрителям дофантазировать, ну, скажем так... В финале «Холодного лета» герой ушел от нас по бульвару, и это, как многоточие. Но мы знаем, что жизнь этого человека не состоится. Единственное, чем родина отблагодарит его за подвиг, — комната в коммуналке. В «Мигрантах» — в наше время — так и происходит. Бригадир, у которого

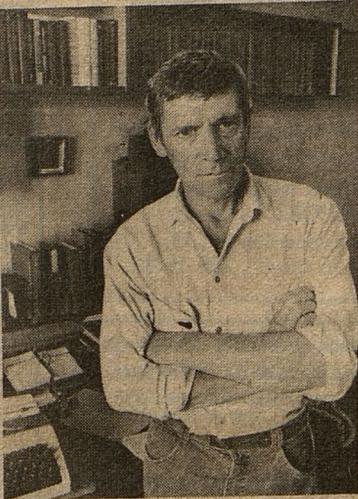
нет имени и почти нет текста, тоже заступник, идет один против стаи подонков, но теперь уже погибает. Поставлена точка.

— Интересно... Надо пересмотреть картину.

— Где? Хотя у вас, наверное, есть личная копия.

— У меня ее нет.

— Тоже интересно. Но вернемся к содержанию фильма. В нем кроме Павла и Полины есть третий герой — Москва. Она очень неуютна: грохот и скрежет, нескончаемый

поток машин, плотная людская масса, влюбленных со всех сторон преследуют... Вы не любите Москву?

— А что такое сегодня Москва? Она аморфна. Я не понимаю, куда она хочет: в Европу, в Америку? Определенно можно сказать лишь то, что этот коррумпированный советский город — не для людей. Человеку в Москве плохо.

— Но это крушение нашей иллюзии — советской: «лучший город земли», «утро красит нежным светом»... У вас не было опасения, что на Западе фильм не поймут?

— Было, конечно. Я думал, сытой, благополучной Германии такое кино не подходит, а оказалось, что восточные немцы сейчас в положении наших мигрантов. Немцы были первыми покупателями картины, потом голландцы. Наверное, их заинтересовало то, что фильм о молодежи, о любви...

Но вот странное дело: в Сан-Ремо раздали аплодисменты на эпизоде в деревне. Казалось бы, что им до нашей деревни? Вы знаете, мы, когда приезжаем на Запад, все разговоры сводим к политике —

само кино к этому побуждает. И западную публику это пока интересует. Но публицистика, которую мы тащим на экран, уже начинает там выходить из моды. А здесь она надоела окончательно.

От нашего кино (я и к себе это отношу) такое впечатление: живут люди, работают, печалются, веселятся, рожают детей, и вот приходит к ним в дом нахальный нищий и начинает рассказывать о своих несчастьях. Раз рассказывает, второй, третий, и уже не хочется его принимать. Ну если ты нищий — делай же что-нибудь!

— Но ведь показывать всему миру свои язвы, расковыривать болячки было свойственно и русской литературе. Наверное, это в генах?

— Язвы можно показывать по-разному. Когда Достоевский показывает страдание, он кричит, визжит, но не ноет! Зритель откликается на сверхстрадание, на боль сильного человека — сильного умом, сердцем, порывом. А когда показываешь просто грязные коммуналки, нищету, драки и все такое, зритель отворачивается. Были Решетников, Помяловский, но не они задавали тон в литературе.

Я очень старался в «Мигрантах» отойти от социального. Но мой фильм одной ногой там, в прошлом, когда, получив разрешение, все принялись показывать язвы... Должно измениться мироощущение.

Однажды я услышал в Италии от миллионера: «Вы думаете, ад у вас? Нет, ад у нас». По религиозно-философским понятиям в этом есть большая доля истины... Мы им душой нашей интересны. Для них мы остаемся загадочными людьми, они готовы нас открывать. Мы не возражаем: «Открывайте нас, пожалуйста». Но сами себя открывать не хотим.

Есть золотое качество, свойственное нашему человеку, как никому другому: умение смеяться в любых обстоятельствах. А на экране сплошная угрюмость.

— Привыкли к формуле «среда заела».

— Так ведь не перед средой надо отвечать, а перед Богом, перед семьей. Отсюда и должен идти выбор темы, выбор героя. Искусство не терпит суеты, оно требует фундаментальности. А мы торопливы и поверхностны, а поэтому наше искусство далеко оттого, чтобы быть «академией духа».

Вы помните, какой был набор духовности? Слушает классическую музыку, читает книги, учится заочно. А тот, кто окончил четыре класса, не духовен. Но ведь это заблуждение. Пусть он не понимает Моцарта, но он знает, что такое расцветы на таежной реке. И не известно, кто больше получает наслаждения, кто тоньше чувствует. Этот пишет картины, а тот замечательно де-

лает столы. Разве не удовольствие смотреть на того, второго, когда он работает?

Хорошо делать свою работу — это и есть искусство. Но у нас репутаны критерии. Когда снимали «Пацанов», мы с Динарой расспрашивали подростков о том, как они понимают доброту. Один мальчик ответил: «Доброта — это когда уступаешь бабушке место в трамвае». Смотришь иногда кино и видишь вот такой уровень понимания доброты...

Очень спешим с оценками. Это же неправда, что все коммерческие фильмы — дерьмо. Некоторые из них раскрывают новое в нашем национальном самосознании. Просто не нужно подходить к ним с мерками высокого искусства. Во всем мире искусство получается очень редко, все остальное — продукция. Беда не в том, что есть плохая американская продукция, а в том, что нам ее навязывают в жутком количестве и она вытесняет остальное кино.

— Почему прокат проводит такую политику?

— Не знаю, не понимаю. В Германии уже пять раз окупилась затрата на «Мигрантов» — я ведь снял фильм всего за 850 тысяч рублей. Почему прокату он невыгоден? Или он невыгоден «Мосфильму»? Или еще кому-то? А как он попал в кинотеатр «Дружба»? Все покрыто мраком. И я ничего не могу изменить. У меня нет прав на мою картину — она собственность «Мосфильма». Ездить на свои деньги я нигде не могу — у меня их нет, потому что нет проката. Каждый раз ищу того, кто за меня заплатит.

— Вот уж чего наверняка не понимают на Западе: как это режиссер, сценарист, актер, имеющий государственные и международные награды, не имеет средств, чтобы поехать туда, куда он хочет.

— Ну это не страшно. Моим любимым писателям Платонову и Булгакову жилось в тысячу раз труднее, страшнее, чем мне.

— Не будем больше о печальном. Работаете ли вы как актер?

— Снял в белорусском фильме «Слава Богу, не в Америке» у режиссера Эдуарда Садриева. Играю печального полковника милиции.

— Ну вот... А как сценарист? Неужели...

— Нет, тут уже без печали. Пишу продолжение приключений героев фильмов «Магия черная и белая» и «Князь Удача Андреевич». Уверен, что такой фильм сейчас очень нужен: для подростков, динамичный, с поисками клада, с юмором. Не «Пацаны». Появятся новые персонажи — американские сверстники моих ребят. Все. Сюжет рассказывать не буду.

— Потерпим. Будем надеяться, что москвичи встретятся с мигрантами, и с искателями клада, причем раньше, чем те и другие составятся.

Беседу провела Людмила ПЕРФИЛЬЕВА.

НА СНИМКЕ: актер, режиссер и драматург Валерий ПРИЕМЫХОВ.

Фото С. СЕРГЕЕВА.